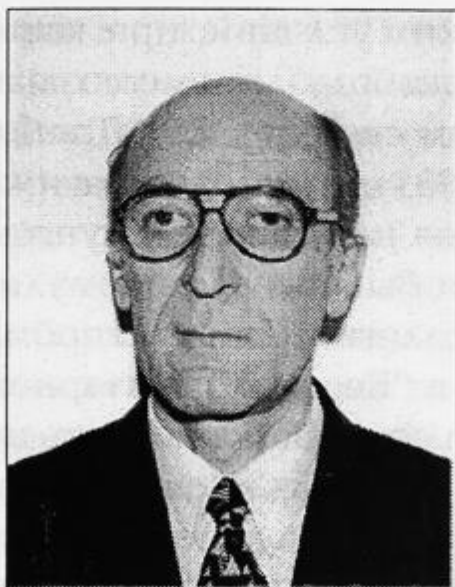

ЛИТЕРАТУРА

1. Известия Тюменского губернского и уездного исполнительных комитетов Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 2 июня.
2. ГАТО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1. Л. 48-49.
3. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 6. Д. 105. Л.1.
4. Заря (Омск). 1918. 28 июля.
5. Народная газета (Шадринск). 1918. 6 августа.
6. Уральская жизнь (Екатеринбург). 1919. 4 февраля.
7. ТОЦ ДНИ. Ф. 4012. Оп. 12. Д. 5. Л. 6.
8. Дело Сибири (Омск). 1918. 7 сентября.

**ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ
КОНОВАЛОВ** —
заведующий кафедрой
отечественной истории
исторического факультета,
доктор исторических наук

УДК 947+957

**БОЛЬШЕВИКИ И ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ:
К ВОПРОСУ О КОММУНИСТИЧЕСКОМ
НАСТУПЛЕНИИ
НА “КООПЕРАТИВНОМ ФРОНТЕ”
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА (1921-1923)**

АННОТАЦИЯ. Одним из следствий нэпа было восстановление рыночных функций промышленной кооперации, рассматривавшихся большевиками как нечто чуждое советскому строю, допускаемое лишь временно. Поэтому, как показано в статье, РКП(б) направляла свои усилия на установление жесткого контроля над ее выборными органами. В результате сложился централизованный механизм проведения партийной политики в кооперативных организациях мелких промышленных производителей.

The article is aimed to market functions in industrial cooperation was one of the consequences of the new economical politice in Sovet Russia. Bolshevirs considered those functious as something alien to the system of Sovet and regarded them as a temporary fact. That "s why Russian Communist Party of Bolshevik directed its energies for hard control of elective bodies. Enormous centralized mechanism for conducting of party politics in Cooperative organizations of small industrial producers came into being as a result of such control.

Принципиальное изменение положения промышленной кооперации в условиях новой экономической политики было в решающей степени предоп-

ределено уже первыми ее шагами — заменой разверстки натуральным налогом и допущением местного оборота. Открыв крестьянам, а затем кустарям возможность свободно распоряжаться частью произведенной ими продукции, большевики независимо от того, признавали ли они в полной мере все последствия этого решения или нет, легализовали существование рынка, что повлекло за собой восстановление соответствующих функций промышленной кооперации, обеспечивающих в рыночных условиях экономические интересы мелких производителей.

Поскольку объективный процесс вовлечения кустарно-промысловой кооперации в рыночные отношения, получивший законодательное закрепление в правительственных декретах 1921 г., уже нельзя было затормозить, то центральным для партии стал вопрос о создании таких условий, при которых получившие самостоятельность и "рыночную свободу" промсоюзы и артели не могли бы выйти за рамки предписанных им сверху задач. Требование директивного письма ЦК РКП(б) от 9 мая 1921 г. "овладеть этими организациями" [1] стало для российских коммунистов насущным лозунгом сегодняшнего дня. Суть их намерений в этой области была ясно сформулирована, в частности, заместителем председателя коллегии Главкустпрома В. Яхонтовым в статье, опубликованной летом 1921 г. в "Вестнике кустарной промышленности". "Задачей наших органов — писал он, — должно быть не только кооперировать кустарную промышленность, но добиваться также и того, чтобы во главе возрождающейся промысловой кооперации были *поглинны* трудовые элементы, руководство которых кооперацией обеспечит направление ее работы, отвечающее задачам, которые ставит перед собой Советская власть" [2].

Важнейшую роль в практическом "овладении" промысловой кооперацией должно было сыграть установление жесткого контроля со стороны партийно-государственного аппарата над ее возрождающимся общероссийским центром. Правда, на первых порах заметных успехов на этом поприще партия не добилась. Созданное в августе 1921 г. Организационное бюро по созыву II Всероссийского съезда промысловой кооперации [3] в своем большинстве состояло из опытных и авторитетных кооператоров, в свое время изгнанных из промысловых и кредитных сельскохозяйственных союзов советской властью и вернувшихся в кооперативное движение после перехода к нэпу. Поскольку большевики раньше практически не работали в промысловой кооперации, а все их "заслуги" перед нею состояли в огосударствлении этой самостоятельной хозяйственной организации и разгоне ее кадров, то перспективы партии на будущем съезде выглядели неутешительно. Коммунисты не имели серьезных шансов провести своих делегатов от тех вновь образованных местных промсоюзов, где выборы правлений были произведены с соблюдением всех демократических процедур и партийное влияние было ничтожным. Предпринятые незадолго до съезда попытки расширить свое представительство за счет административного "сколачивания" новых промысловых союзов во главе с коммунистами также не дали нужного результата: уполномоченные большинства таких союзов не были приглашены на съезд уже в силу того, что при создании делегировавших их организаций были допущены грубые нарушения провозглашенного самим советским правительством принципа свободного избрания выборных органов кооперации [4]. Поэтому среди делегатов состоявшегося 3–10 ноября 1921 г. Всероссийского съезда промысловой кооперации, объявленного Учредительным, абсолютное большинство составляли "буржуазные" кооператоры и беспартийные представители местных промысловых и

смешанных промыслово-сельскохозяйственных союзов, начавшие свою кооперативную карьеру до революции. Хотя многие принятые съездом документы были проникнуты идеями о всемерном развертывании кооперативного движения мелких промышленных производителей, об активном участии промысловой кооперации в решении народно-хозяйственных задач на условиях равноправного сотрудничества промкооператоров с государственными хозяйственными органами, они не могли удовлетворить партийное и государственное руководство, т.к. исходили из принципа автономности кооперации в сфере хозяйственной деятельности и ее политической нейтральности.

Торжество возомнивших себя независимыми кооператоров было недолгим. 9 декабря 1921 г. специальным постановлением ВЦИК Всероссийский съезд промысловой кооперации был объявлен незаконным, Устав воссозданного Всекопромсоюза не был утвержден, а избранные съездом органы управления были распущены. В постановлении особо подчеркивался "антисоветский характер" съезда. Его организаторы, без каких-либо серьезных на то оснований, обвинялись в нарушении демократических принципов выборности при подготовке съезда и в игнорировании советского законодательства в принятых решениях. ВЦИК постановил созвать новый съезд промысловой кооперации, который "действительно обеспечил бы представительство трудящихся и достаточное влияние РКП" [5].

Еще раньше, 18 ноября 1921 г. решением Политбюро ЦК РКП(б) была создана специальная комиссия по партийной работе в кооперации, о задачах которой, заключающихся прежде всего в том, чтобы с первых шагов овладеть кооперативными организациями идейно, уведомил делегатов проходившей в декабре XI партийной конференции Ем. Ярославский [6]. Комиссия фактически стала предрешать все вопросы кооперативного строительства с вынесением наиболее важных из них на рассмотрение и утверждение Политбюро и Оргбюро ЦК [7]. По предложению этой комиссии 5 января 1922 г. ЦК направил местным партийным комитетам циркулярное письмо "О партработе в промкооперации и о предсъездовской кампании". В нем в адрес объявленного незаконным съезда были выдвинуты резкие и несправедливые обвинения в нежелании сотрудничать "с советскими органами и коммунистическими элементами съезда" и в проведении линии на развитие "главным образом посреднически-скупочных операций". "Антисоветский характер" съезда ЦК объяснял тем, что на нем руководящую роль играли "буржуазные элементы.., политически руководимые преимущественно эсеровски - кадетскими группировками". Однако главный смысл письма состоял, конечно, не в оправдании партийно-государственного произвола по отношению к демократически избранному представительному кооперативному органу, а в целой системе мер, которые местные партийные организации должны были провести с тем, чтобы обеспечить "пролетарски-коммунистическое" влияние в кооперации и подготовить новый всероссийский съезд, инициатива созыва которого "должна находиться в руках партийных товарищей". ЦК предписывал, в частности, обеспечить "немедленное выделение губкомами достаточно крупных работников для работы в промкооперации", провести "пересмотр состава ответственных работников губкустпромов в направлении усиления их партийными и деловыми элементами", добиваться "образования в кооперативных организациях комячеек из членов промкооперативов и активных работников". Примечательно, что партийное руководство, гневно "разоблачавшее" "буржуазных" кооператоров как нарушителей кооперативной демократии и обвинявшее их в недопустимом

стремлении к образованию из соображений политической выгоды всероссийского центра не промысловой, а всей производительной кооперации, не постеснялось в этом же документе, но несколькими строками ниже обратиться к товарищам по партии с призывом "созывать от имени советских и близких им кооперативных организаций (в зависимости от местных условий) при активном участии парткомов — совещания, конференции или съезды промыслового населения волостей и уездов по производственным признакам или смешанного состава в зависимости от хозяйственной и политической целесообразности" [8].

Следующий шаг к намеченной партией цели был сделан 17 января 1922 г. на заседании комиссии ЦК по партработе в кооперации, которая, заслушав доклад "О работе советских органов в кустарной и мелкой промышленности", кажется, нисколько не сомневаясь в "демократичности" своего решения, утвердила Бюро по созыву нового всероссийского съезда промкооперации, в состав которого вошли член президиума ВСНХ и представители уже "завоеванных" партией областных союзов промысловой кооперации — по одному от Сибири, Урала, Украины и Петрограда и двое от Москвы [9].

В результате такой "подготовительной работы" на состоявшемся 28 апреля — 4 мая 1922 г. III Всероссийском съезде промысловой кооперации среди 221 делегата с решающим голосом было уже 90 коммунистов, представших как сплоченное и влиятельное меньшинство. Опираясь на коммунистическую фракцию съезда, ЦК РКП(б) организовал мощное давление на других делегатов, попеременно демонстрируя им партийный пряник и кнут. Выступивший при открытии съезда с "приветственным словом" председатель ВЦИК М. И. Калинин уверял собравшихся, что "наша основная работа на много лет должна сосредоточиться в области мелкой промышленности". "Наше крупное производство — обещал он, — будет способствовать ее развитию. Электрификация поможет оживлению целого ряда кустарных производств". В условиях советской власти перед промысловой кооперацией, которая "наиболее сливается с коммунистическим строем", "открываются блестящие перспективы" [10]. Всероссийскому старосте вторил основной официальный докладчик — член президиума ВСНХ С. П. Середа. Показывая готовность коммунистического меньшинства к широкому компромиссу с кооперативной фракцией съезда, он заявил, что коммунисты "не стремятся к большинству, идут на выучку к кооператорам в хозяйственном смысле" [11]. В то же время слова заместителя председателя СТО и Совнаркома А. И. Рыкова прозвучали для многих делегатов как ультиматум. "В условиях нэпа — подчеркнул он, — кооперации предстоит решить, с кем идти — с Советской властью или частными предпринимателями". "Частный капитал — главный противник Советской власти", а "стремление организовать кооперацию помимо и в противовес" этой власти "означает ничто иное, как защиту частного капитала". "Глубокая ошибка думать, — недвусмысленно предупредил Рыков, — что в условиях нэпа можно строить кооперацию против или помимо, или отдельно от партии, которая несет ответственность за организацию всего общества и государства" [12].

"Идейные кооператоры" рассчитывали на поддержку беспартийного большинства съезда, не отказывались от сотрудничества с государством и участия в реализации его народнохозяйственных планов, проявляли лояльность по отношению к власти и готовность следовать советскому законодательству, считая, однако, что такое сотрудничество предполагает равноправие сторон и свободу в выборе его форм. В их выступлениях звучали конструктивные предложения по различным вопросам практического раз-

вития кооперации: о разграничении функций различных видов кооперативных организаций, степени автономности и хозяйственной компетенции местных промсоюзов, правовой защите интересов промкооперации, условиях использования наемного труда в артелях, о соотношении производства и коммерческих операций в хозяйственной деятельности и др. Но используемая большевиками тактика посулов и угроз внесла сумятицу и разногласия в ряды беспартийных делегатов. Стало ясно, что коммунисты, понимающие компромисс по-своему — как подчинение большинства своему толкованию предполагавшегося соглашения — получили преимущество и будут стремиться довести дело до нужного им результата. Потеряв всякую надежду сдержать наступление коммунистической фракции и считая, что будущий республиканский центр обречен на то, чтобы стать безгласным придатком партийно-государственного аппарата, часть кооператоров, в надежде сохранить автономию хотя бы местных союзов, сделала роковую ошибку, начав агитацию в кулуарах съезда против создания в данных условиях единого всероссийского промыслового союза. Это привело, с одной стороны, к окончательному распаду беспартийного большинства и выделению из него "артельной группы", состоящей из представителей местных промсоюзов и поддерживающей коммунистов в вопросе о необходимости создания центра, а с другой — к ужесточению позиции почувствовавшей вкус победы коммунистической фракции. Один из ее активных членов московский делегат Дзагуров заявил даже, что задачи будущего всероссийского союза промкооперации "должны заключаться в том, чтобы в его состав не вошел ни один социал-революционер, ни один меньшевик, ни один беспартийный" [13].

В результате изменений в расстановке сил, зафиксированных в ходе съезда, большая часть поправок кооперативной группы по Уставу Всероссийского союза промысловой кооперации и предложенный ею список правления были отвергнуты. Трудное голосование по двум оставшимся спискам кандидатов в руководящий орган союза дало перевес списку, предложенному артельной группой. За него проголосовало 117 человек, против — 100. В правление из 7 человек вошло три коммуниста, в т. ч. С. П. Середа, ставший председателем правления. Партийно-государственный контроль за деятельностью всероссийского центра промысловой кооперации был, таким образом, обеспечен.

Направление коммунистов "назначенцев" на руководящую работу в промсоюзы, создание в некоторых из них коммунистических ячеек в ходе предсъездовской кампании, внедрение представителей партии в правление и аппарат всероссийского промкооперативного центра были лишь первыми актами в борьбе за "овладение" промысловой кооперацией, важными, но только эпизодами в начавшемся общем коммунистическом наступлении на "кооперативном фронте". В выступлениях делегатов и резолюциях XII партийной конференции звучала неудовлетворенность достигнутым в этой области и подчеркивалось, что промкооперация якобы "нуждается в усилении пока еще недостаточного коммунистического влияния". В связи с этим высказывалось требование "расширить и углубить" в ней "партийную и советскую работу", особенно в низовой сети [14].

В конце 1922 — начале 1923 гг. партия переходит к установлению системы жесткого контроля над всей кооперацией страны, в т. ч. и промысловой, к "завоеванию" всех ее выборных органов, включая правления, советы, ревизионные комиссии периферийных союзов и первичных кооперативов, к планомерному устранению из ее руководства на всех уровнях "буржуазных" кооператоров и всех неугодных партийным и советским властям кооперативных работников. Складывается единый централизованный механизм

проведения коммунистической политики в кооперации. Нити партийного руководства кооперативной системой сходились в Учетно-распределительном отделе ЦК РКП(б). Его опорными пунктами стали соответствующие отделы во всех всероссийских центрах кооперации, превратившиеся очень скоро в прямые придатки центрального партийного аппарата, в проводников его кадровых решений [15]. Осенью 1923 г. Учраспред ЦК обследовал 9 крупнейших кооперативных центров страны, включая Всекопромсоюз, и установил теснейшую связь с коммунистическими фракциями их руководящих органов по вопросу учета и распределения кадров, подготовил списки "партийных резервов" из числа партийных, советских, хозяйственных работников для работы в центральных и местных кооперативных союзах. По итогам этой работы Оргбюро ЦК РКП(б) в октябре 1923 г. рассмотрело вопрос о роли коммунистов в кооперации и об "освобождении" ее от "враждебных элементов" [16]. По данным Учраспреда, только в сентябре — декабре 1923 г. ЦК направил в центральный аппарат кооперативных центров и местные союзы 81 коммуниста: 34 — во всероссийские союзы, 21 — на национальные "окраины" и 24 — в различные губернии России "согласно требованиям с мест" [17]. Степень полезности таких кадровых приобретений для советской кооперативной системы может быть характеризована тем фактом, что три четверти партийных "назначенцев", направленных ЦК во Всекопромсоюз, ранее никогда в кооперации не работали.

Вторым организующим элементом системы партийного руководства кооперацией стали Кооперативное совещание при ЦК РКП(б) и соответствующие совещания при губкомах и укомах, созданные по решению XI съезда партии [18]. Согласно утвержденному ЦК "Положению" в кооперативные комиссии входили представители от партийных органов, кооперативных и профсоюзных организаций и учреждений государственной торговли. Их основной задачей являлась разработка вопросов, связанных с осуществлением контроля коммунистов за работой кооперативных организаций, проведением в них партийных решений, достижение согласованности между различными видами кооперации и установление "правильных" взаимоотношений кооперации с советскими и хозяйственными органами. На кооперативные комиссии возлагалась обязанность обеспечения партийного влияния на собраниях и съездах кооперации [19]. Поскольку "партийное ядро" во многих кооперативных организациях на уездном, а иногда и на губернском уровнях в 1922 — 1923 гг. оставалось еще незначительным и не гарантировало безусловную реализацию партийных решений, кооперативные комиссии нередко прибегали к непосредственному вмешательству в дела кооперации, прямо подменяя ее выборные органы и узурпируя их полномочия [20].

Важным инструментом партийного руководства советской кооперацией стали в рассматриваемый период большевистские фракции в ее всероссийских центрах и местных союзах, созданные в соответствии с Уставом РКП(б), принятым XII партийной конференцией в августе 1922 года. Задача фракций состояла во "всестороннем усилении влияния партии, проведении ее политики во внепартийной среде", в установлении "партийного контроля над работой всех указанных учреждений и организаций" [21]. В состав партийных фракций входили коммунисты — члены правлений, советов, ревизионных комиссий соответствующих кооперативных организаций. По существу, они представляли собой прямое продолжение аппаратов ЦК и губкомов РКП(б) и проводили свои решения на уровне союзов и в низовой коопера-

тивной сети, в т. ч. по кадровым вопросам, минуя уездные и районные партийные комитеты. Именно фракции исполняли роль движущей силы в развернутом губкомами "движении за пересмотр кадров кооперативного аппарата", результатом которого стало "внедрение" коммунистов в состав органов управления всех звеньев кооперации вплоть до первичных кооперативов. Спустя два с лишним года после начала этой кампании — к сентябрю 1925 г. — удельный вес партийцев в правлениях союзов промкооперации был доведен до 58,5% [22], а в низовой сети составлял, как правило, 5—8 процентов. Однако последнее обстоятельство уже не имело принципиального значения. Принятие решений, определяющих не только стратегию промкооперативного движения, но и текущую хозяйственную политику промышленной кооперации, осуществлялось на более высоком уровне и полностью контролировалось партией, а для наблюдения за деятельностью первичных кооперативов вполне достаточно оказалось достигнутого "эффекта присутствия", ибо построенная и отлаженная к концу 1923 г. система партийного руководства кооперацией сосредоточила в руках партийного аппарата достаточно эффективные рычаги для соответствующего воздействия на "непослушные" кооперативы.

"Завоевание" партией ключевых позиций в руководящих органах промкооперации в условиях, когда ее рыночные функции по-прежнему рассматривались коммунистами как нечто чуждое советскому строю и временно допускаемое только в качестве вынужденной меры, переходной к производственному кооперированию, создавало для нее серьезную опасность будущих деформаций. Не могли не вызывать тревоги у здравомыслящих кооператоров и характерные для большевиков проявления доктринальной подозрительности к кооперативным организациям, весьма смутные представления многих партийных "назначенцев" об экономике, невысокий общеобразовательный уровень большинства из них.

В условиях непрекращающихся попыток партийно-государственного аппарата тем или иным образом ограничить вхождение промкооперации в нормальные рыночные отношения и поставить ее под свой тотальный контроль, потенциал этой самостоятельной хозяйственной организации не мог быть полностью реализован. Хотя нэповское законодательство было в целом благоприятным для кооперативов, оно тем не менее несло на себе явные следы недавнего военно-коммунистического прошлого. Не претерпели существенных изменений взгляды большевиков на будущее мелких товаропроизводителей и роль кооперации в "пролетарском" государстве. Уже была в основном выстроена мощная машина партийного управления и диктата, которая, в случае перемены большевистской политики, могла обрушиться на восстанавливающийся кооперативный организм.

Названные обстоятельства, тормозившие свободное развитие кооперативной организации кустарей и ремесленников или составлявшие угрозу для их деятельности в будущем, еще не привели к необратимым последствиям, но способствовали углублению кризисных явлений, связанных с экономическими и социальными трудностями первых лет нэпа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 226.
2. Вестник кустарной промышленности. 1921. № 4-5. С.
3. Первый Всероссийский съезд промышленной кооперации состоялся в феврале 1919 года.
4. РГАЭ. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 286. Л. 111.

5. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1. С. 312.
6. XI Всероссийская конференция РКП(б): Стеногр. отчет. Самара, 1922. С. 143.
7. Файн Л. Е. Отечественная кооперация: Исторический опыт. Иваново, 1994. С. 202.
8. Партия и кооперация: Постановления и резолюции ВКП(б). М., 1928. С. 42-43.
9. Бюллетень Организационного Бюро по созыву Всероссийского съезда промысловой кооперации. 1922. № 1. С. 5.
10. Вестник кустарной промышленности. 1922. № 5-7. С. 35.
11. ЦГА РФ. Ф. 5449. Оп. 1. Д. 3. Л. 56.
12. Вестник кустарной промышленности. 1922. № 5-7. С. 36-37.
13. ЦГА РФ. Ф. 5449. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.
14. Партия о кустарно-промысловой кооперации. М., 1929. С. 24.
15. Файн Л. Е. Указ. соч. С. 260.
16. Дмитренко В. П., Морозов Л. Ф., Погудин В. И. Партия и кооперация. М., 1978. С. 174.
17. Известия ЦК РКП(б). 1923. № 9-10. С. 41; 1924. № 1. С. 39.
18. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 2. С. 353.
19. Партия и кооперация: Постановления и резолюции ВКП(б). С. 138-139.
20. Морозов Л.Ф. Формы и методы партийного руководства кооперацией в восстановительный период // Вопр. истории КПСС. 1970. № 10. С. 78.
21. КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 384.
22. Файн Л.Е. Указ. соч. С. 218-219.

**ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ
КРУЖИНОВ** —
доцент кафедры
отечественной истории
исторического факультета,
кандидат исторических наук

УДК [947+957] "192"

"ДЕЛО" Г. И. МЯСНИКОВА

АННОТАЦИЯ. "Дело" Г. И. Мясникова — эпизод из борьбы в РКП(б) начала 20-х гг. за смягчение политического режима в Советской России, завершившийся победой консервативного крыла и дальнейшим усилением тоталитарных тенденций в жизни общества.

"Case" of G.I. Myasnirov is the episode from the LPP(b) struggle of the early 1920 s. For the political regime relaxation in Soviet Russian ended by the victory of the Conservatives and further strengthening of totalitarion tendencies in the life of society.

"Дело" видного уральского большевика Г. И. Мясникова, выступившего за смягчение политического режима в Советской России, мало знакомо современному читателю. Долгое время оно трактовалось как проявление оп-